

ЯРКОЕ ЛИЦО ГОСТЕЙ

ПОСЛЕДНИЕ аплодисменты, цветы. Последний раз опускается занавес, который на время различает нас с приятными гостями — коллективом Шауляйского драматического театра. Это был не только своеобразный праздник для любителей театрального искусства, но и напряженные дни — почти каждый вечер новый спектакль, отличающийся своим художественным почерком, своими проблемами. Пять пьес подарили шауляйцы клайпедскому зрителю, и нелегко, а может, и не следует решать, которая из них наиболее ценна. Одно важно: каждая заставляла задуматься, и сегодня, с отъездом гостей, в мыслях не хочется расставаться со многими героями сцены.

Если пьеса Дж. Селинджера «Над пропастью во ржи» оставила горьковатое впечатление (и вызвано это не только мрачной картиной мира лжи и насилия, но и недостаточно законченной сценической интерпретацией), то пьеса Д. Добричанина «Улице Трёх соловьев, 17» доставила много приятных минут своим острым юмором, жизненными, хотя и комическими, ситуациями. Зрителей подкупала выразительная игра актеров, особенно заслуженного артиста Литовской ССР С. Папки, Э. Орлаускайте, И. Гуринайте, Э. Дамилевичюте и др.

С ИЛЬНО прозвучала пьеса Ф. Дюрэнмат «Полуночный процесс». Нужно отметить, как удачно инсценировку рассказа, работу режиссера М. Каркляиса и актеров, особенно в том смысле, что здесь мало действий и основная нагрузка приходится на игру актеров.

Самобытно, по-новому (как характери-

стиками действующих лиц, так и решением декораций) преподнесли шауляйцы пьесу К. Инчюры «Эгла — королева ужей». Впечатление большое, только... вряд ли эта слишком стилизованная сказка понятна маленькому зрителю, для которого она предназначена.

Д ОБРИЧАНИН, Селинджер и Дюрэнмат, К. Инчюра и Р. Наречионис. Из пяти — две оригинальные пьесы. Таким соотношением спектаклей зарекомендовали себя гости. Отрадно, что шауляйцы упорно ищут именно только оригинальных вещей. Нелегко (ими наши писатели не балуют), но находят. Мало сказать находят. Театр сам не ленится приложить старания, чтобы произведение ожило. Так случилось и с пьесой Р. Наречиониса «Ценой своей любви». Об этом свидетельствуют слова самого автора: «И хотя в нашей (автора и театра — А. П.) работе были и трудные дни, и разочарования, и неудачи, я должен чистосердечно признаться, что совместная работа, меня значительно обогатила». И дальше: «...ни над одной пьесой так долго не работал, как над этой». Театр заставлял работать не только автора, он сам проделал, наряду с постановочной, тактовую работу, главный режиссер М. Каркляис не только копировал, но и паром выводил... Так родилась острая пьеса на молодежную тему. Правда, можно спорить относительно решения некоторых характеров и мизансцен, но самое важное — пьеса волнует зрителя, заставляет задуматься.

С КВОЗЬ историю беспокорства, шатания и ошибок выпускника Альгиса (артист А. Пинтукас) просачивается то, о

чем создатели пьесы хотели сказать зрителю, озабоченному воспитанием молодежи. Думаю, что основные акценты таковы:

Эго — игра не детей, а взрослых. Нет, это не только слова воспитательницы Борисаите (артистка А. Симонайтите). Это подтверждает весь путь отрицательного и почти сознательного падения вииз с высокой поднятй головой. А все началось с семьи, как, зачастую, и обычно. Юноша, может, и не презирал бы матери, если бы не ложь в ее отношениях с отчимом, если бы не «ворованная колбаса», которая, по словам бывшего кулека, «не должна бы быть некусной, если бесплатно естля». «Когда плюют в лицо, — говорит юноша, — можно умыться, а если плюют в душу!»

Пьеса обвиняет и бюрократов в лице ответственных работников, руководителей школ, когда для них важен лишь престиж, репутация. Она клеймит пустые фразы о светлом будущем и космических полетах, если в классе боятся говорить о том, что не входит в программу, если в трудную минуту юноша остается один: думай, что хочешь, только восторжй за мной тезисы... Против лжи и лицемерия, за настоящее чувство любви, а не напыщенность высказываются создатели спектакля. Только жаль, что все это делается с наивной юношеской досадой, которая переполняет главного героя (словом не авторы пьесы создали Альгиса, а, наоборот, Альгис дирижировал ими). По своему идейному звучанию спектакль слишком одинок и претендует на неограниченные, я бы сказала, не заслуженные на-

шим обществом обобщения, которые требуют не только из идейно-художественного решения, но и из отдаленных реплик, как, например, «такова жизнь», «что чему у нас так много ничтожества?» и т. п.

Пьеса еще нуждается в значительной доработке, «я, может быть, отведено здесь слишком много места, но «вино» всему упомянутая главная тенденция Шауляйского драмтеатра: смело, не боясь «не своей» работы, искать оригинальные вещи.

Кстати, клайпедчане увидели бы и пьесу Арбузова «Мой бедный Марат», но ограниченные возможности нашего театра заставляли отказаться от показа этого спектакля.

З АМЕСТИТЕЛЬ директора Шауляйского драмтеатра В. Тамашускас рассказал, что в настоящее время «на конвейере» «Утонувший колокол» Гауптмана, намереваются взяться за Брехта и т. д., и выразил свое уважение многочисленному и требовательному клайпедскому зрителю. Кстати напомним, что не всегда актерам бывало легко на сцене, особенно в тех случаях, когда посетители, пришедшие группами, разговаривали во время действия... Это не делает нам чести.

С ЕЯЧАС на сцене драмтеатра снова наши артисты, вернувшиеся после успешных гастролей в Шауляй. Хорошая это традиция — обмен спектаклями, что, без сомнения, помогает расти не только коллективам театров, но и зрителям.

А. ПОШКУВЕНЕ.